

Сергей Минцлов

Клад

Повесть

Глава I

— Стало быть, конец! Прощай, наше Лунево!..

— Да, навсегда расстанемся с ним скоро...

Разговор этот шел в уединенной комнате большого помещичьего дома, выходявшей окнами в старый, запущенный сад; среди нее стоял бильярд. Разговаривавшие лежали на двух диванах, сходящихся под углом у стен.

Роман, темно-русый юноша лет пятнадцати, с вихрастыми волосами и крупными, резкими чертами лица, обличавшими твердый характер и положительный ум, лежал, закинув руки за голову, и упорно глядел на выступ изразцовой печи. На нем была холщовая кадетская рубашка с красными погонами и такой же кушак. Последние слова брата больно задели Романа... Он стиснул зубы и не ответил ни слова.

— Интересно бы узнать точную цифру долга? — продолжал одетый в серую куртку гимназист лет четырнадцати, начавший разговор. Подвижное, сухощавое лицо его было

выразительно и красиво; в черных бойких глазах светился задор. Звали его Александром. Прибавим, что в противоположность тяжеловесному и угрюмому на вид Роману, Александр был поклонником всего красивого и изящного и потому очень заботился всегда о своей наружности.

— Очень интересно!.. — буркнул Роман. — Имение продают с молотка, а за сколько — все равно!

— Ну, положим!.. Зная величину долга, можно бы устроить комбинации какие-нибудь: занять или продать часть земли.

— Все перепробовал отец!

— А теперь, не говорила мама, куда он поскакал с ночным поездом?

— В город!.. Денег искать, да у кого? Кто даст, когда объявлено, что имение к аукциону назначено?!

Наступило молчание.

— Как бы нам помочь, Роман? — начал опять гимназист. — Так бы хотелось!.. Ломаю, ломаю голову — и все не могу придумать. Вдруг бы войти к маме и — на, вот тебе, мама, полный мешок с золотом! Или бы 200.000 выиграть...

— А билет у тебя есть?

— Билета-то нет...

Разговор опять оборвался. Александр, который долго не мог пробыть в спокойном

состоянии, вскочил с дивана и, небрежно засунув руки в карманы, заходил по комнате.

— Нет, как бы помочь, как бы помочь, Роман? Каждый ведь куст луневский дорог; родное оно нам — и вдруг все отберут чужие, купцы какие-нибудь! Сад вырубят, — для них это первое дело! А на его месте салотопенный завод откроют. Жалко Лунева!

— Отца мне жалко. Болтаешь все зря: как мы поможем? Где они, деньги, у нас?

— Надо добыть!

— Как?

Александр не дал ответа. Братья скоро разошлись по пустынным комнатам.

Подобные разговоры не раз происходили между ними. Настроение в доме царило гнетущее. Отца их, владевшего довольно большим состоянием, вовлекли в спекуляции, и он очутился вдруг накануне полного разорения. Мать, полубольная женщина, слегла окончательно. Для сокращения расходов вынуждены были отпустить гувернантку единственной дочери Зины. В доме как будто лежал умирающий: все ходили на цыпочках, говорили шепотом. Только третий сын, самый младший в семье, весной перешедший из приготовительного в первый класс гимназии, шумел и беззаботно носился по лестницам угрюмого дома, наполняя его смехом и гамом. Нравоучения Александра о неприличии такого

поведения не помогали: Юра проникался ими на миг, но скоро забывал и снова летел с радостными криками по двору или комнатам.

После описанного выше разговора, за целый день старшие братья не обмолвились друг с другом ни словом; правда, Александр попытался было начать еще раз беседу с Романом, но, увидав, после долгих поисков, что тот насупясь сидит в конце самой глухой аллеи, не решился подойти к нему и направился к сестре, на террасу дома.

Зина, увлекающаяся и заразительно веселая прежде, с уходом гувернантки резко изменилась. Она вдруг поняла всю величину грозившего им несчастья, и смех и беззаботный говор ее стихли. Даже хорошенькое продолговатое личико ее, обрамленное чуть вьющимися темно-русыми волосами, вытянулось и похудело. Большие синие глаза приобрели вопросительно-испуганное выражение. Услыхав чьи-то быстрые шаги, Зина положила на колени книгу и подняла глаза.

— Идея! — заговорил Александр, взойдя на террасу и останавливаясь в излюбленной им небрежной позе перед сестрой. — Иванова ночь, кажется, дней через 7 будет?

— Да, через неделю... а что?

— Я, конечно, глупостям разным не верю... — продолжал Александр с озабоченным видом, — но отчего бы и не попробовать, раз дела

наши обстоят так скверно? Как это только мне раньше в голову не пришло!

— Да что, Саша?

— То, что не пойти ли в Иванову ночь поискать цветок папоротника: говорят, в эту ночь он приобретает чудодейственную силу. Конечно, может быть, это и сказки, но ведь достоверно известно, что все растения приобретают разные свойства, в свои сроки... Может, и действительно, у папоротника является странная сила? Отчего не попытаться счастья?

— Конечно, отчего же?... — поспешно отозвалась жадно слушавшая любимица всей семьи, Зина; Саша был для нее чем-то вроде оракула. — Только это страшно одному: ты поговори с Романом!

— С Романом я говорить не стану!

— Отчего, Саша?

— Оттого, что все равно из этого никакого толку не выйдет. Он скажет, что все это глупости. Если бы можно было уговорить его!..

— Ты объясни, как это важно. Ты так хорошо умеешь говорить!

— Что ж, что я умею говорить! Объяснить можно только тому, кто будет тоже говорить с тобой; а ведь он, по своему корпусному обычаю, ответит: «дураку» и на этом и кончит.

— Хочешь, я скажу ему?

— Ну, он вместо дурака «дура» скажет, — только и будет разницы!.. Нет, эту затею бросить надо!.. — добавил после раздумья Александр. — Роман не пойдет... Другое что-нибудь надо выдумать!

И Александр ушел размышлять в аллею, соприкасающуюся, впрочем, с излюбленными им клубничными грядками, часто помогавшими ему развеивать меланхолию.

Отца ждали к ужину, но он не приехал; это служило плохим знаком, и расположение духа всех омрачилось еще более.

Молча прошли мальчики в свою комнату, молча разделись и улеглись по постелям. Юра звонко начал было рассказывать, какого огромного окуня вытащил он утром на удочку; но Роман буркнул на него, и Юра нырнул в постель, завернувшись с головой в одеяло и через минуту уже спал сладким сном.

Роман долго слышал, как Александр возился на своей постели. Наконец, Александр тихо окликнул его:

— Роман!

Роман промолчал.

— Роман! — повторил Александр и, не слыша опять ответа, тяжело вздохнул и замолк.

Ночь уже уходила с земли, когда Роман почувствовал на плече своем чью-то руку. Он

открыл глаза и при чуть брезжившем в окно свете различил сидевшего на краю постели его, завернутого в одеяло брата.

— Чего тебе? — недовольно спросил Роман.

— Роман, — прерывающимся голосом проговорил Александр. — Роман, я нашел средство помочь нам!

— Ну? Веников нарезать да в гимназию вашу продать? — насмешливо спросил Роман.

— Нет! Ты любишь археологию, так слушай: мы должны с тобой отыскать клад!

Роман приподнялся на локте.

— Клад? Ты в уме или совсем рехнулся? Кто его для нас закопал?

— Нет, я в уме! — горячо возразил Александр. — Выслушай до конца только! В старину были войны, разбои, и жители зарывали свои сокровища в землю; то же делали и разбойники в становищах. Так ведь?

— Так. Ну, дальше что? — Роман сел рядом с братом.

— А места таких становищ более или менее известны, — это раз. Наконец, из истории известно, что на реке Воже стояло богатое село, которое оборонялось от татар и было сожжено ими; жители перед приступом, конечно, закопали свое и церковное имущество. Поищем там, а ничего не найдем — спустимся к Оке; там были притоны

разбойников, много пещер, курганов... Иначе мы ничего не можем сделать. И вдруг нам удача будет! Вообрази только, Роман: ни мама, ни отец ничего не знают — и вдруг явемся мы и принесем котлы с деньгами! а?

Роман крепко задумался. Идея брата поразила его воображение.

— Что ж, ты прав! — проговорил он наконец. — Удастся, не удастся, а попробовать мы обязаны. И чем скорее начнем дело, тем лучше! Только как мы уйдем из дома? Вожа ведь в Рязанской губернии, — целая ночь езды до нее!

— Уйти — пустяки! — уверенно возразил Александр; такое неожиданно быстрое согласие брата, обыкновенно нелегко соглашавшегося с ним, наполнило его радостью. — Нас ведь давно зовут к себе погостить Левашевы, — отпросимся к ним и уедем...

— Да ведь Левашевы в Нижегородской губернии живут... как же мы к ним поедем?

— Да мы и не поедем к ним вовсе: скажем так только... Конечно, это нехорошо обманывать, — но ведь мы не так себе это сделаем, а ради папы же с мамой? Если скажем правду, нас не отпустят!

— Верно! — угрюмо согласился Роман, не терпевший никаких сделок с совестью, что позволял себе иногда Александр, всегда находивший потом оправдание своим поступкам и

легко успокаивавшийся поэтому. Александр вскочил с постели брата; одеяло полетело в угол, а сам он заплясал босиком по комнате.

— Ура! Едем, значит, едем!

— Эк разбирает его! — сказал Роман, глядя на выкидывавшего необыкновенный антраша брата. — Подумаешь, ты уж нашел клад, что так возрадовался!

— Когда же мы едем? Сегодня, завтра? Лучше сегодня!

— Надо сперва маршрут составить, — места выяснить хорошенько, где могут быть клады зарыты; а затем ехать. А деньги где возьмем на поездку? — неожиданно добавил Роман.

Александр остановился.

— Деньги?... Да, вот деньги!.. — Александр сел. Наступило молчание.

— У меня есть скопленных за зиму 25 рублей с копейками... — сказал Роман. — У тебя сколько?

Александр вздернул плечами: он умел только тратить, и небольшие карманные деньги, выдававшиеся ежемесячно отцом, незаметно расходовались им на духи и перчатки.

— У Зины есть! — радостно вскрикнул он через минуту. Роман поморщился.

— Откроем ей свой план, значит?

— Конечно! Что ж такое! Она не хуже нас сумеет сохранить тайну! А деньги у нее есть, — она

сама мне говорила!

— Сколько?

— Десять рублей.

— Итого тридцать пять. Хватит ли?

— Хватит! — уверенно возразил

Александр. — Еще бы! Да ведь и мама же даст нам сколько-нибудь на дорогу...

— А если у мамы нет?

— Ну, как нет!., каких-нибудь 25 рублей?

Мама же давно обещала отпустить нас к Левашевым.

— Стыдно теперь у мамы спрашивать!

— Да ведь мы же не на ветер бросать хотим эти деньги! Мы их вернем. Ну, у мамы не будет, — зайдем у кого-нибудь! Вернемся — расплатимся!

Непоколебимая уверенность, звучавшая в голосе брата, видимо, действовала на Романа. Он проворчал сквозь зубы что-то вроде: «Медведя не убил, а шкуру продаешь уже» и стал одеваться.

— Надо точно рассчитать маршрут, — заговорил он опять, — по пустякам плутать некогда. Компас возьмем с собой, карту.

— Главное, провизии необходимо побольше, — подхватил Александр. — Как можно больше надо ее взять: в населенные места мы показываться не будем, — в лесах будем.

— Это зачем?

— Как же! ведь мы кладоискатели: могут

выследить и помешать, отнять все... Наконец, подумают, что мы убежали откуда-нибудь, и в первом же селе заберут нас. Непременно тайно надо действовать. Ох, как же это интересно будет!

Александр даже подпрыгнул от удовольствия.

Еще не вставало солнце, когда оба брата, одетые, но с сапогами в руках, осторожно пробрались по анфиладе комнат в библиотеку; во всех углах и под старинной мебелью прятались сумерки; казалось, не тени это, а остатки снов гнездятся еще везде и все и живое и неодушевленное объято и грезит ими. Затаив дыхание, прокрались братья мимо комнаты чутко спавшей матери, поднялись по скрипучей лестнице вверх и очутились в просторной библиотеке. Установленные книгами полки от потолка до полу покрывали стены. Посреди комнаты, под висячей лампой, находился большой квадратный стол, покрытый зеленой суконной скатертью; около него стояли два кресла.

Полдень застал братьев в той же библиотечной комнате. На столе грудями лежали открытые исторические книги, развернутые чертежи и карты. С братьями была и Зина. Раскрасневшаяся от волнения, она стояла и слушала Александра, развивавшего перед нею план действий; глаза ее блестели; если бы не больная мама, она, казалось ей, так бы и ринулась за

братьями в эту страшную, но так и манившую к себе поездку. Она первая предложила на общее дело подаренные ей к рождению деньги; их в копилке оказалось 12 рублей.

Роман сидел и делал выписки и отметки на одной из подробных карт.

Общий совет решил затем засушить как можно больше черного хлеба, не есть получаемой за завтраком ветчины, раздобыть солонины, чая, сахара, словом, все, что возможно, и прятать все это в укромном месте. Александр предложил навялить сырой говядины по образцу американских охотников, как описывается это у Майн Рида, но практичный Роман отверг его мысль.

Ехать решили через три-четыре дня: такая отсрочка вызвана была необходимостью собрать провизию. Роман мужественно отказывал себе во всем, в чем только было возможно. Зина делала то же; сверх того, она добыла откуда-то холста и, по указанию Романа, усердно кроила и шила из него мешки. В избе у скотницы сушились черные сухари, густо посыпанные солью. Александр крепился один день, но на другой из груди его при каждом куске, подносимом вместо рта к карману, стали вырываться легкие вздохи. В видах «облегчения души», по его выражению, он, прежде чем прятать, нет-нет и нюхал аппетитную свежую ветчину.

Отец то приезжал, то опять уезжал куда-то; он был так расстроен и озабочен, что обратиться к нему за разрешением поездки мальчишки не хотели. Выждав, когда отец выехал из дома, они отправились к матери, и та сейчас же отпустила их и дала на поездку тридцать рублей. Бедная женщина сделала это охотно, так как хотела развлечь детей, от которых, несмотря на старания ее, не укрылось печальное положение дел.

Радостные возвратились братья в свою комнату. Здесь их ожидал первый удар.

На одной из кроватей сидел Юра и с мрачными видом болтал ногами. Старшие не обратили было на него внимание, но он скоро сам заговорил с ними.

— А вот я скажу маме, что вы врете ей!

Александр подскочил на месте.

— Что, что ты сказал, несчастный?!

— А то, что я знаю все: вы вовсе не к Левашевым едете, — провизии-то у вас я полный чемодан на чердаке видел! Я все слышал, как вы вчера вечером переговаривались: вы думали, я спал, а я все слышал! Все скажу!

Уговоры, угрозы и всевозможные обещания остались напрасными. Юный первоклассник упорно твердил свое: или пусть возьмут и его или он разрушит затею, открыв ее.

После долгих споров и взрывов отчаяния со

стороны Александра, Роман отозвал Александра в сторону и сказал ему, что надо согласиться. Юра мальчик шустрый и крепкий и потому в тягость им не окажется. Решение это было объявлено Юре, и тот чуть с ума не сошел от восторга. До отъезда оставалось еще два дня. Сборы продолжались с новым рвением. Александр, пользуясь случаем, свою долю забот свалил на Юру, поручив ему, между прочим, и поиски кирки и двух железных лопат, которые самоотверженно и были найдены тем среди груд сора и старого хлама в сарае.

Атаманом экспедиции, как самый сильный и положительный, был избран Роман; Александра сделали казначеем, Юру — провиантмейстером. Мальчики дали торжественную клятву повиноваться приказам Романа, хотя и решили вместе с тем устраивать на привалах советы.

Полные хлопот, споров и сборов два дня пролетели быстро; осталась одна ночь, последняя перед задуманным путешествием.

Зина долго, пока не явилась за нею горничная, не уходила из комнаты братьев. Под постелью Романа стоял небольшой, раздувшийся от поклажи старый чемодан, перевязанный ремнями: в нем находилась провизия. Роман чистил и осматривал револьвер; Юра брал с собой лук, стрелы и удочки, при помощи которых рассчитывал снабжать общество дичью и рыбой. Александр лежал и

мечтал вслух о скрытых в земле сокровищах. Когда Зина, крепко расцеловавшись со всеми и тайком перекрестив Сашу, убежала к себе со слезами на глазах, мальчики стали раздеваться и скоро улеглись по постелям. Но сон был далеко от них.

Александр заявил, что возьмет с собой ружье; но Роман воспротивился, заявив, что оно будет только мешать и выстрелы привлекут чье-нибудь совершенно ненужное им внимание.

Александр уступил. Но под влиянием ли темноты и сознания, что только одна ночь отделяет их от нешуточного предприятия, им стало овладевать странное чувство. Минутами ему делалось так страшно, что он готов был все отдать, лишь бы разрушилось как-нибудь или отдалилось задуманное.

— Знаешь что, Роман! — нерешительно проговорил наконец он. — Надо бы нам взять еще кого-нибудь с собой...

— Что? Это еще зачем?

— Нам одним не справиться. Вдруг попадетс большой котел или сундук с деньгами, — мы его и не вытащим? А кто чемодан понесет?.. Да наконец, на нас могут напасть где-нибудь в лесу... Степку бы взять с собой: он богатырь!

Роман презрительно засмеялся.

— Трус! — коротко проговорил он. — А револьвер-то у меня зачем с собой?

— Вовсе не трус! Что твой револьвер поможет, когда на нас сонных нападут? Ведь мы же не в доме, а на открытом воздухе ночевать будем.

— А твой Степка много поможет: спит, как чурбан!

— Со мной Кучум пойдет: он, чуть что, сейчас зачует и разбудит нас! — заявил Юра. Кучум был огромный лохматый пес из породы овчарок, с которым Юра находился в теснейшей дружбе.

— Это дело! — отозвался Роман. — А то Степка тебе понадобился, — баба!

Юра фыркнул.

Но Александр не сдался на такую «корпусную», как он называл, аргументацию и решительно заявил, что он не пойдет, если не возьмут Степку. После долгого и горячего спора, в котором храбрый Юра стоял за Романа, — решено было взять и Степку. Тут же изобрели объяснение причины явившейся необходимости в Степке: телеграмма их к Левашевым может опоздать, и если не вышлют вовремя лошадей, то придется тогда искать их по деревням, находящимся далеко от станции.

Глава II

Вечером на другой день наши

путешественники уже мчались в поезде по железной дороге. У всех замирало сердце. Роман, не выдавая волнения, с бесстрастным лицом сидел и осматривал пассажиров. Юра перескакивал с места на место и радостно смеялся. Александр вел себя сдержанно, как подобает взрослому, но поминутно улыбался и глядел то в окно, то на братьев. Между ними сидел ухмылявшийся, курносый Степка, квадратный, безбородый парень, с бычачьими плечами и грудью, с добродушным, но глупым лицом. У ног Юры жался всклокоченный серый Кучум, с нависшими над умными глазами седыми кустами бровей и с лохматыми усами.

Ехали все в третьем классе. Александр воспротивился было этому, но Роман, поддержанный Юрой, сурово заявил, что раз у них есть товарищ — Степка, они должны ехать вместе с ним, и что нужно помнить, что они едут на черную работу.

Пассажиры мало-помалу убывали; наконец, кроме наших путешественников, в вагоне никого не осталось. Едва затворилась дверь за последним, Юра сорвался с своего места и с хохотом, с криком запрыгал по лавкам. Кучум лаял и, стараясь поймать его, подскакивал и становился на задние лапы.

Александр снисходительно поглядел на разыгравшегося брата и заговорил со Степкой.

— Степка!

— А?

— Ты думаешь, мы к Левашевым едем?

— А то куда ж?

— Вот и нет. Мы клад искать едем!

На круглом, как блин, лице Степки выразилось изумление; затем он недоверчиво ухмыльнулся.

— Ладно! надувай еще!

— И не думаю тебя надувать: едем искать клад; а так как сундук с деньгами может оказаться очень тяжелым, мы и взяли тебя для помощи.

— Какой такой сундук? — разинув рот, проговорил Степка.

Серьезные лица Романа и Александра показывали, что с ним не шутят.

Роман, понятным для Степки языком, принялся рассказывать ему разные события из истории. Мало-помалу тугой мозг Степки воспринял смысл их поездки, и лицо его озарилось лучезарной улыбкой.

— Ах, волк те заешь! — воскликнул он, так хлопнув себя по колену, что будь на месте последнего доска, она разлетелась бы, как одуванчик. — Ну и обмозговали дельце!.. А ну как нас заберут?.. — опасливо добавил он минуту спустя.

— Как это заберут? — иронически ответил

Александр. — А это у тебя что? — и он кончиком выхоленного пальца дотронулся до пудового кулака Степки. Тот с недоумением поглядел вниз, увидел, на что указывал Александр, понял, в чем дело, и захохотал.

— Я таку оглоблю себе в лесу выворочу, что не подойдут! — уверенно заявил он.

До полуночи шел у них оживленный разговор и совещание на эту тему; участия в нем не принимал только Юра: утомленный треволнениями дня и предшествовавшей ночи, он сладко спал на жесткой скамейке, подложив локоть под голову.

В окна глядела черная ночь. Миллионы ярких искр сыпались то по одну, то по другую сторону вагона.

Скоро и все, убаюканные мерным стуком колес и плавной качкой, последовали примеру Юры.

Глава III

Первым поднялся Роман, тотчас подошел к окну и открыл его. В душный вагон ворвался свежий утренний воздух; Роман высунул голову и стал жадно дышать им. Только что начинало светать; безоблачное, голубое небо обещало чудный день; на востоке алели полосы. До Рыбного, станции назначения их, оставалось уже немного.

Холод, ворвавшийся в окно, заставил мирно спавших путешественников поежиться; Роман разбудил их и пошел умываться. Скоро все были готовы и стояли у окон в ожидании остановки.

Перед глазами их бежали поля и леса. Юра внимательно приглядывался к каждому бугорку и холмику, подозревая, что в каждом из них зарыты сокровища.

Наконец послышался протяжный свисток; поезд пошел медленнее, почувствовался переход по стрелкам, в окно показалось двухэтажное кирпичное здание с надписью «Рыбное», платформа с жандармом, сторожами и заспанным начальником станции в красной фуражке; раздался свисток обер-кондуктора, и поезд остановился. Юра стремглав бросился к выходу, за ним последовали и остальные. На подъезде станции их обступили, предлагая услуги, мужики-извозчики; с десятков запряженных лохматыми, понурыми лошаденками телег стояли у круглого садика, разбитого перед вокзалом. За кустами сирени, наполнявшей садик, виднелись деревья и соломенные крыши села Рыбного.

Пыльная дорога, обсаженная старыми ветлами, или «улица», рассекала село. У колодца с высоким «журавлем» стояли несколько баб с ведрами на коромыслах; на солнцепеке играли белоголовые ребятишки.

Путники отыскивали лавку, и Роман со Степкой зашли в нее сделать последние закупки; скоро они возвратились с длинным и тонким железным прутом с заостренным концом, необходимым для прощупыванья почвы, с котелком, сковородкой, черным хлебом и с целой корзиной картофеля.

В кустах за околицей сделали привал и приступили к разгрузке чемодана; прежде всего, из него вынули холстинковые мешки, сшитые Зиной, наподобие тех, что носят за спинами странники; по мешкам разложили все припасы пропорционально силам каждого; Степке и Роману, как начальнику экспедиции, выпали наибольшие доли. Окончив дележ, Роман развернул карту, определил с помощью компаса дальнейший путь, затем скатали по-военному шинели, взятые из дома по настоянию Романа; подкрепились хлебом, запили прозрачной водой из ручья и тронулись в дорогу.

Путь к Воже лежал полями. По обеим сторонам пыльной дороги волновалось море зеленой ржи; вдали темнели кое-где острова лесов. В голубом небе звенели невидимые жаворонки. Становилось жарко.

Навстречу не попадалось ни души. Юра, сопровождаемый обнюхивавшим все кусты Кучумом, шел впереди. Лук и стрелы были у него наготове, но дичи не попадалось.

Облитые потом, добрались, наконец, путники

до опушки первого леса.

Александр прислонился спиной к бугорку и комфортабельно, как на кушетке, улегся на мягком мху под развесистой елью. Роман с картой и компасом в руках присел вблизи него и углубился в изучение местности. Степка и неутомимый Юра отправились в лес: первый за палками, второй на охоту.

Не прошло и пяти минут, как вдруг Александр вскрикнул и вскочил на ноги. Роман поднял голову и с удивлением взглянул на кривлявшегося брата.

— Что с тобой? — проговорил Роман, подымаясь с места. — Что тебя так корчит?

— Муравьи! о-ох! муравьи! — прокричал Александр, неистово отряжая и выцарапывая облепивших его и немилосердно кусавших насекомых: бугорок, к которому из любви к удобствам прислонился он, оказался муравейником. На небольшом конусе его, словно черная сеть, кишела густая масса встревоженных насекомых.

Роман помог брату раздеться и вытрясти из платья последних врагов.

Александр схватил валявшийся на земле сук и в виде отмщения швырнул его в муравейник.

— Отвратительные насекомые! — проговорил он, укладываясь снова, с меньшим уже комфортом, но с большей зато безопасностью.

Немного спустя возвратился, таща

необъятную охапку зеленых веток и целых молодых деревьев, Степка.

— Во, сколько палок нарубил! Выбирай, барчук! — проговорил он, и град палок посыпался рядом с Александром. Александр отодвинулся.

— С ума спятил ты, Степка! — сказал он. — Тебе велели четыре палки сыскать, а ты целый воз притащил!

Степка ухмылялся. Выбрав огромную, толщиной в руку, дубину, он вытащил нож и принялся очищать ее от сучьев.

Александр открывал глаза и то следил за работой его, то опять закрывал смежавшиеся от истомы веки.

— Сделай и мне палку, — проговорил он, увидев, что «посошок» Степки уже готов и тот, осклабясь, пробует его увесистость.

Степка выбрал для этой цели менее внушительное, однако все же с добрую оглоблю толщиной деревцо и принялся было его обстругивать, но Александр вовремя открыл глаза и остановил его.

— Да не такое! — проронил Александр. — Это разве палка? Это бревно какое-то! Вот ту мне очисти!

Рука Степки взялась за другую корягу.

— Эфту?

Александр вынужден был встать, выбрал из

груды палок ореховую тросточку толщиной в палец и подал ее Степке.

— Вот какую нужно!

Степка подкинул ее в руке.

— Чаво с такой палкой в лесу делать? — сказал он, принимаясь за очистку трости. — Пыль охлестывать с себя, что ли?

Роман выбрал себе сук по руке и стал превращать его в палку.

Скоро возвратился и Юра; лук и стрелы его остались без применения, но в поле куртки его было что-то завернуто. Подойдя к братьям, он молча встряхнул полу; из нее выкатились два серых комка. То были ежи.

— Только и всего? — сказал Александр, поглядев на ежей. — Немного! Горе ты, а не охотник!

— Чем же я виноват, что никакой дичи нет? — возразил задетый за живое Юра. — Что нашел, то и принес. Майн Рид говорит, что ежи очень вкусны.

— Скусны? — вмешался в разговор Степка. — Да нешто их едят?

— Конечно, едят! — ответил Юра.

— Таку гадину-то?

Александр расхохотался; Роман улыбнулся тоже.

— Какие же они гадины? — проговорил он,

желая ободрить сконфуженного Юру. — Юра прав: их едят в Америке, и вкусом они напоминают молодых поросят. Но пока у нас есть провизия, к их услугам прибегать мы еще не будем.

— Я думаю! — заметил Александр — Мы приехали сюда не затем, чтобы переестъ всех ежей в окрестностях!

Путешественники тронулись в путь, и через час, покрытые пылью и потом, стояли уже над обрывом довольно высокой горы; перед ними по привольным заливным лугам зеркальной змеей вилась узенькая речонка; густые кусты обвисали с берегов ее к воде; на противоположной стороне подымались леса..

То была знаменитая в русских летописях Вожа. Усталость позабылась; все горели желанием немедленно приняться за работы, и только пример Романа, заявившего, что сперва следует отдохнуть и закусить, несколько охладил пыл Александра и Юры.

Все спустились к берегу; не прошло и минуты, как не успевший раздеться Юра с радостным криком мчался уже по отмели в воду; за ним последовали и остальные. Кучум улегся около оставленного платья и, положив морду на лапы, следил умными глазами за купающимися.

Освеженные и укрепившиеся, вышли путешественники из воды и занялись сбором

хвороста; через несколько минут на песке весело затрещал костер, и Степка принялся печь картофель.

Наскоро утолив голод, Роман стал определять местонахождение их на карте.

— Господа! — проговорил он наконец. — Эти луга, которые окружают нас, — и есть место знаменитой битвы с татарами; левее же — вон там, — он указал рукой на темневший в версте от них над самой рекой обрыв, густо заросший лесом, — там, должно быть, находилось село.

Юра швырнул высоко вверх фуражку.

— Почему ты думаешь, что оно именно там было? — спросил Александр. — Мне кажется, наоборот, село надо искать где-нибудь ниже, а не на крутом холме. Для землепашцев жить на высоте неудобно.

— Теперь — да! — возразил Роман, — но ты забываешь время, о котором говорим мы. В те времена люди всегда селились на более или менее неприступных местах, — это раз. Второе — на низменностях здесь селиться нельзя потому, что это поемные луга, а они затопляются в половодье Вожей!

— В таком случае, село должно было стоять дальше — ну, в верстах в четырех от берега, куда не достигала вода...

Роман усмехнулся.

— Какие же чудачки стали бы селиться так далеко от воды?

— Три-четыре версты далеко? — горячо возразил Александр. — Как же теперь за 30 да за 40 верст отходят от рек? Всем нельзя на реках рассестся.

— Да, но это теперь!.. — ответил Роман, складывая карту. — Теперь, когда на Руси около 150 миллионов жителей, этого нельзя сделать; но тогда здешние места были почти пустыней. Кому могло доставить удовольствие сидеть без воды и копать колодцы, когда была полная возможность иметь под рукой прекрасную воду? Вожа славится кристальностью воды.

Побежденный доводами брата, Александр замолчал, и все двинулись к заветной горе.

По мере уменьшения расстояния до нее, все ускоряли и ускоряли шаги и под конец почти побежали. Запыхавшись, взобрались они на густую, поросшую кустами и лесом вершину. Слева и справа круто извивалась Вожа; на лугах высились стога сена; между ними, у леса, близко подступавшего к воде с противоположной стороны, пасся табун; у самой опушки виднелись человека два-три сторожей, мальчиков, лежавших в кустах и беседовавших между собой. Роман указал на них Юре и знаком показал ему, чтобы он не изъявлял шумно своих восторгов. Верстах в двух позади, на

подымавшемся плоскогорье, виднелась деревня и обсаженная деревьями большая дорога. Роман нарочно миновал ее и избрал путь проселком, чтобы избежать возможных встреч с кем бы то ни было.

Котомки сложили, и мальчики, к великому недоумению Кучума и Степки, стали внимательно разглядывать землю.

— А ты чего же стоишь, как пень? — сказал Александр, увидав, что Степка глядит на них, застыв в одной позе.

— Чаво искать? — спросил Степка.

— Да ты разве забыл, о чем мы тебе говорили? Несколько сот лет тому назад где-то здесь стояла деревня, — надо сыскать следы ее!

Степка зажал рот рукой и фыркнул.

— Каки тут следы через сто лет! — убежденно проговорил он. — Через сто лет и камни все порошком делаются!

И Степка решительно уселся под куст и принялся жевать черный хлеб.

Как бы в подтверждение мнения Степки, ни кирпичей, ни остатков фундаментов не отыскивалось. Юра предложил раскопать всю гору, и не успел никто возразить ему, как он схватил лопату, к которой Степка приделал на привале в лесу ручку, и со рвением принялся рыть яму.

Покопав минут десять, он понял, что такая

работа не под силу не только всем им, но и ста
человекам, — сконфуженно положил лопату и тихо
уселся около Степки.

Старшие братья продолжали поиски; наконец,
Роман вооружился щупом и, напирая на него, стал
медленно, на всю длину, загонять его в землю.
Саженный прут со скрипом входил в суглинок, но,
несмотря на величину свою, не натыкался ни на что
твердое.

Александр стоял рядом с Романом и с
напряжением следил за его работой.

Устав, Роман передал щуп Степке. Разведки
продолжались еще часа два; тщательно исследовали
часть горы, выступавшую к реке; там, по мнению
Романа, на самом видном месте горы должна была
стоять церковь.

Наконец прут уперся в что-то твердое и
остановился.

Александр подскочил к Степке и почти
вырвал щуп из рук его.

— Копать надо, копать! — прерывающимся от
волнения голосом проговорил он; но Роман
пожелал сперва исследовать хорошенько
поверхность найденного предмета. Щуп вынули и
на расстоянии вершка от только что оставленного
им отверстия снова вонзили его; эту операцию
повторили несколько раз, и Роман убедился, что
загадочный предмет не что иное, как простой

булыжник. Александр, с блестящими глазами, весь красный от возбуждения и непривычной работы, настаивал на раскопке и, схватив лопату, принялся со Степкой за работу. Не углубились они в землю и на аршин, как Роман, внимательно следивший за ними, поднял руку.

— Довольно! — отрывисто проговорил он. — Земля не насыпная, а наносная, — ничего в ней нет. Здесь нам искать больше нечего!

— Почему ты знаешь? — спросил Александр, обернувшись к нему.

— А по пластам! — Роман указал на один из боков ямы. Александр перевел глаза на него и увидел волнистые разноцветные линии слоев песка и глины. — Если бы этот холм был насыпной или если бы здесь зарывали что-либо, то пласты эти были бы перемешаны.

— Да, но ведь эти верхние пласты могли образоваться уже над местом прежних построек! — горячо возразил Александр. — Развалины Ассирии, Трои, наконец, Египта, — все затянуто сверху наносными пластами!

— Да, но разве кругом этой горы есть такие же песчаные степи, как там? Самумы в Сахаре в один порыв передвигают с места на место миллионы пудов песка, а здесь нет ни таких ветров, ни такой почвы... Затем, взгляни: за слоем песка идет глина; глина наноситься ветрами не может.

Видишь, как ровно наложены эти слои друг на друга, — это значит, что их осадила друг на друга вода.

— Вода? Это каким образом? — с любопытством спросил внимательно слушавший Юра.

— А вот как. Эта равнина и гора, на которой стоим мы, были когда-то покрыты рекой, из воды которой постепенно осаживались частицы почвы, унесенные ею с верховьев...

— Здесь была вода? на горе?

— Несомненно, — ответил Роман. — Все эти извилины плоскогорья не что иное, как берег когда-то протекавшей здесь грандиозной реки. А вот и другой берег! — он указал рукой на отдаленные возвышенности, подымавшиеся на противоположной стороне.

Юра оглядел гигантское русло и всплеснул руками.

— Господи, — вскричал он, — да ведь это по ширине четыре Волги выйдет!

— Да. Потом, с обмелением реки, наша гора сделалась островком среди нее; вода все опадала и превратилась наконец вот в этот ручей!

Юра, задумавшись, глядел вдаль и представлял себе могучую картину первобытной Вожи.

— А все-таки я буду копать, — проговорил

Александр и опять принялся за лопату.

Роман не ответил ни слова, подошел к выступу горы и, стремясь разгадать тайну местонахождения древнего села, задумался.

Юра забрал удочки и спустился к реке. Солнце близилось к закату, когда Александр молча выкинул свою лопату из ямы и, усталый и перепачканный, вылез на поверхность. За ним последовал и Степка.

Роман подошел к яме и заглянул в нее. На глубине приблизительно двух с половиной аршин, на дне ямы лежал в глине круглый булыжник.

Глава IV

Начинало смеркаться, когда над краем горы показались длинные удилица и затем голова Юры. Он возвращался торжествующий: в руке он держал связку с висевшими рыбами; между ними темнели и бились два громадных окуня.

Роман и Степка не потеряли времени в свою очередь: чтобы сделать костер незаметным, они расширили яму, устроили уступы, могшие служить лавками, натаскали веток, и на дне ямы весело запылал огонь.

Александр не принимал никакого участия в их работе и только поглядывал на свои руки, натертые ладони которых покрылись волдырями. Степка

устроил над огнем треножник из палок, повесил на него котелок с водой, и через какой-нибудь час путешественники усердно принялись уничтожать распространявшую аппетитный запах уху.

Сумрак висел кругом, когда, окончив ужин, Роман вылез на поверхность горы и огляделся. Ночь обещала быть безлунной. На темном небе мигали несколько звезд. Вершины деревьев смутно выделялись на нем зубцами. Тишина царила невозмутимая.

Роман подошел к обрыву над Вожей, и спустя немного, позвал Александра.

— Посмотри, Саша! — проговорил он, и какая-то особенная, мягкая нотка почудилась в его обыкновенно отрывистом голосе, — Точно море или бездна под ногами и кругом нас, черная, неведомая... Хорошо!

Александр огляделся, и жуткое чувство охватило его. Действительно, ночь казалась зиявшей со всех сторон черной бездной. Юра не говорил ни слова и жался к Роману.

То была первая ночь, проводимая ими под открытым небом.

Скоро все стали устраиваться на ночлег. Юра и Александр, так протестовавшие против шинелей, когда Роман настаивал на том, чтобы их взяли с собой, сползли в яму, укутались в них с головами и улеглись около костра. Роман и Степка

расположились наверху, у края ямы; Кучум лег между ними, и немного спустя все, кроме Романа, уснули глубоким сном.

А Роман откинул с лица край шинели и долго глядел на начавшее вывездиваться небо и вслушивался в чуткую тишину ночи.

Какой-то новый мир, сказочный, полный чудес, захватывающий дух, — открывался сердцу его.

Наконец и Романа повалил сон.

Пробудил его холод и какие-то странные звуки. Роман поднял голову и прислушался. Небо чуть-чуть серело; внизу над рекой и лугами висел густой туман. Звуки, пробудившие Романа, выходили словно из-под земли. Кучум лежал молча, плотно прижавшись к нему. Роман приподнялся больше и увидал, что на дне ямы, где спали Александр и Юра, сидит над угасшим костром какая-то бесформенная фигура; через минуту Роман разобрал, что перед ним Александр с шинелью, накинутой на голову. Он раскапывал золу и бранился.

— Что ты, Саша? — спросил Роман, свешивая голову с края ямы.

— Холод рассобачий! — проговорил Александр, щелкая зубами. — Издохнешь здесь, пока клад найдешь! Да еще костер погас. Хоть бы кто пошевелился ветку подбросить!